

Протоиерей Валериан Кречетов

Я свой выбор сделал в детстве

Что самое страшное может случиться с молодым пастырем, какие изменения сегодня нужны Церкви, полезно ли священнику работать, с помощью чего надо изучать богословие и как изобретение самовара стало душеполезным занятием? Ответы на эти и другие вопросы о пастырстве — в интервью со старейшим клириком Московской епархии, почетным настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы села Акулово Одинцовского района протоиереем Валерианом Кречетовым.

«Не я, впрочем, а благодать Божия»

— *Ваше Преподобие, вы сын священника. Казалось, вам было просто предначертано пойти по стопам своего отца. Но, с другой стороны, вы должны были сделать и какой-то свой личный выбор.*

— Я свой выбор сделал еще в детстве. Для меня все в Церкви было такое родное, что я всегда просил: «Матерь Божия, сподоби меня служить Сыну Твоему». Больше ничего для себя не просил.

— *А никогда не было какого-то сомнения, страха при выборе этого пути?*

— Когда я принял сан, то вдруг понял, что исповедь — это настолько ответственно, что, если сделаешь что-то не так, точно погибнешь. И только одна мысль меня удерживала: «Кто-то же должен исповедовать людей? Что же делать! Господь поможет».

В этом деле наш — только выбор. А про остальное, что касается служения, хорошо у апостола Павла сказано: *Не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10). Я вот когда говорю на проповеди или на исповеди, потом сам удивляюсь. Недавно у меня новая книжка вышла, там собраны интервью, проповеди. Я иногда ее читаю и думаю: надо же, как интересно! А потому что на самом деле это не я писал, не я говорил. Господь мысль подает — и она потрясает.

А бояться, конечно, нельзя. *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?* (Пс. 26, 1). Один хороший священник, отец Евфросин, который десять лет Колымы прошел, как-то мне сказал: «Запомни! Берегись страха и никогда ничего не бойся».

— *Так же примерно думал отец Патриарха Кирилла. Человек, прошедший лагеря, Соловки, всегда говорил сыну: «Никогда ничего не бойся».*

— Совершенно верно. Это просто истина. Бояться-то в жизни, кроме греха, и нечего. Самый максимум — это смерть. Но она все равно придет. Я как-то приехал к отцу Николаю Гурьянову. Он всегда с такой любовью меня принимал. Он и говорит: «Ну, тебе можно умереть. Пойдешь к Богу, там хорошо». Дерзновенно, конечно. Но очень правильно.

Неужели я умру?! Да, умру. И мне будет хорошо. А некоторые расстраиваются — вот, он умер, рыдают. А у него теперь все отлично. Конечно, если он готовился. Чего бояться? Делать что-то нужно. Правильной жизнью нужно жить. А сколько Бог даст, столько даст.

— *Как вы думаете, от какой беды больше всего следует беречься молодым пастырям?*

— Знаете, мой отец рассказывал, как Святейший Патриарх Алексей I (Симанский) говорил им, выпускникам семинарии: «Всё вам простит православный народ, но не простит неблагочестивого отношения к святыне». Вот это неза-

метно подкрадывается — потеря благоговения. Начинается с того, что богослужения произвольно сокращаются, потом к своему служению священник начинает относиться формально. А если благоговения нет, вот тут и подступает враг рода человеческого, еще и предлагая изменения в Церкви. Причем предложения реформ подаются под видом возвращения к традициям, чуть ли не к временам апостольским.

Глобальное изменение в Церкви сегодня может быть только одно: это более суровое отношение к своей духовной жизни, потому что нам не хватает именно подвига. Отец Сергей Орлов¹ так и говорил: «Для спасения нужен подвиг, без подвига не спастись».

«Божественная благодать, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая»

— *Бывает, что священник настолько погружен в служение на приходе, что ему некогда заглянуть себе в душу. Каждый священник призывает людей к покаянию. Но для этого ведь важно в первую очередь учиться каяться самому. Однако часто бывает, что священники своему покаянию не придают большого значения и иногда вовсе не находят времени на исповедь.*

— На самом деле все, что совершается в Церкви, совершает Господь. А человек только сотрудник Ему. Митрополит Питирим (Нечаев) говорил: «Нужно учиться не мешать Богу».

Я вам напомню в качестве примера действия благодати Божией случай из жизни моего отца.

Он родился в 1900 году, рос в революционное время, был всецело заражен бунтарским духом и вскоре отдалился от Церкви. В тот момент он был идейным коммунистом, и мама, моя бабушка, как-то попросила его Великим постом: «Миша, сходи, пожалуйста, исповедуйся, причастись. Прошу тебя, сделай это для меня. Я тебе в ноги поклонюсь». Он говорит: «Зачем, мама? Я и так схожу».

Пришел он на Арбат, в храм к отцу Владимиру Воробьеву (деду ректора ПСТГУ протоиерея Владимира Воробьева). Конечно, никаких мыслей о покаянии у него и в помине не было. Откуда? Стоит, симпатичных девушек рассматривает. Подходит его очередь исповедоваться. А батюшка сидит, уже старенький был, ждет, что ему этот

молодой человек скажет. Отец встал, как положено, на колени и говорит:

— Да мне нечего сказать. Даже не знаю, в чем каяться.

— Как не знаете? Зачем же вы пришли?

— Да меня мама попросила причаститься.

Священник помолчал немного и сказал:

— Это очень хорошо, что вы маму послушали.

Накрыл его епитрахилью и стал молиться. Видимо, молилась в этот момент дома и его мама, я так предполагаю. Папа потом рассказывал: «И тут я зарыдал. У меня слезы потекли как из ведра. И обратно я шел, уже ни на кого не смотрел. Мир для меня перевернулся».

С тех пор отец стал ходить в церковь. Потом попал в тюрьму, на Соловках сидел в камере с исповедниками, а после освобождения принял священный сан.

Мы часто забываем о том, что Божественная благодать есть «немогущая врачующая и оскудевающая восполняющая».

Все совершает Господь. И об этом нужно всегда помнить. Хотя, конечно, священникам за собой надо следить поостороже и про регулярную исповедь стараться не забывать. Стержень духовной жизни вообще, как все мы знаем, это покаяние. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорил: «В одном не ошибешься: считай себя грешным».

— Почему не все люди чувствуют эту Божественную благодать? В последние годы священники все чаще оставляют сан и даже уходят из Церкви. Это примета времени, или такое всегда бывает, когда какой-то процент людей понимает ошибочность своего выбора? Мне кажется, что это для молодых пастырей вещь смутительная и такой пример всегда вызывает вопросы: «А я что буду делать в такой ситуации? А вдруг у меня тоже возникнет такое состояние, при котором я вдруг решу уйти?»

— Что значит «возникнет, и я решу уйти»? Откуда взялась такая мысль и кто за тебя решил? Я с пеленок рос в Церкви, лет с пяти уже начал помогать в алтаре, пел на клиросе вместе с мамой, даже читал Трисвятое. Если хор что-то забывал, я подсказывал. Для меня церковнославянский так и остался родным.

Когда я десятый класс заканчивал, учительница говорит: «Кречетов, у вас в сочинении сла-

вянские обороты». А я не понимал, что это такое. Я начал читать сначала по-славянски, а потом только по-русски. Это потому, что я в Церкви с детства и все эти тексты мне были знакомы. Детская память схватывает все.

Уверен, что нестроения в Церкви сейчас связаны с тем, что все же в обществе произошла некая деградация. Прежде всего это потеря веры. И конечно, окружение. Вот эти ветхозаветные рекомендации не зря написаны: *С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишия* (Пс. 17, 26–27). С кого мы берем пример? Кого берем в наставники?..

Беда еще в том, что многие воспринимают священническое служение как профессию, как работу, которую можно сменить. Когда я был мальчиком и высказывал желание служить в храме, то мой отец, который к тому времени уже прошел Соловки, всегда мне говорил: «Собираешься быть священником — готовься к тюрьме».

Служение — это не профессия. И поэтому я сначала получил светскую специальность, на Урале три года проработал. Потом еще пять лет в Москве трудился инженером и уже после этого семинарию окончил, а потом и академию.

Дело все в том, что мы понимали: профессия — это одно, а служение — это совсем другое. Причем отец сразу сказал: «Учись, работай по специальности, а если у тебя есть призвание к священству, то ты все равно будешь служить в алтаре. Но ошибки быть не должно». Думаю, действительно, раньше люди чаще шли в семинарию уже осознанно, избирая священство не как профессию, а как служение.

В устах — молитва, в руках — работа

— Отец Валериан, в то советское время жизнь священнослужителей была непростой: это постоянные испытания и скорби, вечные придирки уполномоченного и тюремные сроки. Сейчас любой священник свободно служит, проповедует. Можно сказать, что сейчас пастырям живется легче, чем раньше?

— Отвечу. Видите, мне отец говорил, что если хочешь стать священником — готовься к тюрьме.

Раньше ведь часто сажали духовенство. Мы с братом потому и пошли именно в лесотехнический институт, что у нас было понимание: будущего пастыря, скорее всего, ждет тюрьма, а значит и лесоповал. Теперь и в голову никому не придет давать такое напутствие. В этом смысле сейчас живется легче. И с точки зрения бытовых удобств тоже жизнь стала проще.

Первые три года, когда я рукоположился, я везде ходил пешком, максимум ездил на велосипеде, а сейчас уже без машины священнику никак. И уполномоченных нет. А сколько же проблем от них было!

Но ведь легкая жизнь опасна. Я однажды услышал от одного священника очень хорошие слова на этот счет. Раньше, говорит, были испытания трудностями, а теперь проверка комфортом. В этом смысле сложно сказать, когда духовенству легче. Тяжело сохранить веру, когда живешь в абсолютном комфорте. Христос никогда не жил удобно.

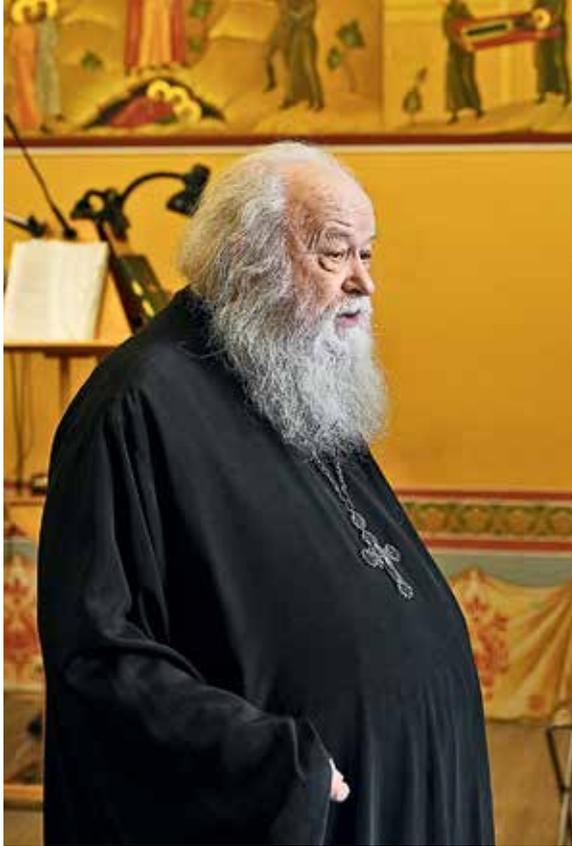
И потом, есть еще очень серьезный момент, общечеловеческий. Одно из важных условий успеха священнической деятельности — это хорошая матушка. Обычно владыка Стефан (Никитин)², который благословлял и меня на брак, всегда долго разговаривал с будущей матушкой.

Уверен, что нестроения в Церкви сейчас связаны с тем, что все же в обществе произошла некая деградация. Прежде всего это потеря веры.

Уже потом я узнал, что владыка очень серьезно к этому относился, и если будущий батюшка, предположим, был на пятерку, а будущая матушка — на троечку, то никогда не рукополагал. А вот если матушка была на пятерку, а батюшка всего лишь на троечку, тогда благословлял на священство. Готовы ли сегодня все будущие матушки нести крест жены священника?.. Не знаю...

— Отец Валериан, как вы думаете, насколько в современном мире священнику необходимо иметь какую-то работу, которая бы кормила его и его семью, чтобы матушка была спокойна? За границей у духовенства ведь есть такой опыт.

— Все правильно, священник должен работать, в большинстве случаев это хорошее дело. Отец Сергей Мечев, например, совмещал служение с работой фельдшером в поликлинике. Он работал и служил.

Мы забываем древнейший пример Антония Великого, который спросил: «Как спастись?» — и ангел, когда он молился, сказал: «Делай все то, что должен». Уметь что-то делать своими руками — это очень хорошо. Господь был плотником. Все апостолы знали какое-то ремесло: кто-то рыбачил, кто-то палатки делал, кто-то веревки мог плести. У русского народа есть пословица «век живи — век учись». Но не все знают, что она только вполнину звучит так. Ее изначальный посыл намного содержательней и серьезней: «Век живи — век учись тому, как следует жить». Не всему учиться нужно. А всю жизнь впитывать хорошее.

Помню, я как-то епископу Стефану (Никитину) стал задавать богословские вопросы, все спрашивал и спрашивал (а он интересным был человеком), и тогда он сказал: «Изучай богослужение — там все богословие».

А еще так важно не забывать Евангелие каждый день читать. Неопустительно! И всем сердцем желать его понять. Гоголь замечательно написал: «К стыду, у нас, может быть, едва отыщется человек, который прочел бы Библию, тогда как эта книга затем, чтобы читаться вечно... Как же

нам требовать еще, чтобы из нас выходили мужи, способные действовать и поступать обдуманно? Как удивляются, что беспрестанно выходят скорспелки, выскочки, непостоянные, легкие люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, бессильные владетели страстей?»

Очень четко сказано. Это двести лет назад примерно так ощущалось. Логика очень понятная. Откуда коверкатели? Евангелие читать не хотели. А когда человек желает, Господь столько ему дает... Ведь я же инженер-конструктор, не зря говорю. Я вот соорудил сейчас печь. На второй день по-прежнему горячая — 100 градусов сохраняет!

— *Сто градусов? Да вам нужен патент!*

— Вот хочу оформить изобретение. У меня уже есть два. Походный самовар недавно сконструировал.

— *Очень интересно!*

— Да! Отец Ефрем, Царство ему Небесное, иконописец такой был в одном монастыре. Я к нему часто заходил. А у него старенький самовар был, интересный такой, литровый, латунный. Потрясающая вещь. Я все присматривался, присматривался — и вот свой придумал. Причем обычный походный самовар, который продают, кипятит один литр воды за 15 минут, а наш — три литра за 12 минут.

— *Вот вы чем после службы занимаетесь — созданием печек и самоваров!*

— Эти добрые занятия оказались очень душеполезными для меня, они очень помогают в мысленной брани. Я как-то прочитал об этом у духовников афонских. Когда мысли начинают одолевать человека, ему желательно переключиться на другую деятельность. Помните, как древние подвижники говорили: в устах — молитва, в руках — работа. Нам этот совет очень полезен.

Беседовал священник Александр Волков
Фото священника Игоря Палкина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протоиерей Сергей Орлов (позднее иеромонах Серафим) родился 29 июня 1890 года в с. Акулово Московской губернии. Его отец и дед были священниками храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Акулово. Отец Сергей прослужил 29 лет в храме в Акулово, был духовником протоиерея Валериана Кречетова.

² Стефан (Никитин Сергей Алексеевич; 16 (28) сентября 1895, Москва — 28 апреля 1963, Калуга), епископ Можайский, временно управляющий Калужской епархией. Похоронен в селе Акулово Московской области.